

XXII

В конце Июля 1890 года я с двумя меньшими дочерьми приехала в Лондон и прожила шесть недель. Это было последнее наше свидание: когда я в начале Мая следующего года опять приехала – я уж ее в живых не застала.

Мы нашли ее в новом, действительно прекрасном помещении, какого у нее прежде никогда не бывало; но, к несчастью, во всем доме еще шли последние работы, обивки, наклейки, проведение электрических звонков, а потому сквозняки так и ходили по всем корридорам и лестницам, что, без сомнения, действовало на здоровье всех живших в нем. Надо сказать, что англичане так привычны к своим сквозным корридорам, окнам на шалнерах с щелями в полвершка¹ и прямым трубам в каминах без вьюшек, что для них сквозняки, гуляющие по домам, вздымающие занавески парусом и задувающие огонь, – вещь нормальная и даже весьма желанная: они уверяют, что благодетельные *drafts* (тяги) очищают воздух. У них многие даже зимой спят с открытыми окнами и – благо им! Но не благо тем, которые привыкли к благоустроенным печам, двойным окнам и вентиляторам под потолками для очистки воздуха вместо разверстых со всех сторон окошек: мы с маху все перепростудились. Конечно, комнаты Елены Петровны были ограждены от завываний сквозняков, насколько было возможно, но, тем не менее, она беспрестанно на них жаловалась, особенно когда выходила в гостиную или в корридор – что было неизбежно, а тем более в пристроенную залу, *Lecture Hall*², где кроме дверей из гостиной еще были два хода прямо в сад, один против другого...

Она мне показалась очень оригинальной и эффектной эта длинная зала с потолком конусом, разрисованная и украшенная в индийском вкусе, освещаемая матовыми окнами с зеркалом во всю стену в глубине ее, где на возвышении стояли кресла для Е[лены] П[етровны] и ее ближайшей помощницы Мрс Безант, председательницы того отдела Лондонского Теос[офического] Об[щества], которое называется³ «Blavatsky Lodge». Но потом я положительно боялась ее. Боялась ее жара, когда она по вечерам митингов переполнялась до духоты, и боялась сырости и ветра, заносимых из сада во время трапез теософической братии, первое время, пока еще не было готово помещение в третьем здании ее общества, где они обедают теперь. Как же было возможно такой больной женщине, как Е[лена] П[етровна], не простужаться беспрестанно при таких условиях?

Собственно помещение моей сестры состояло из очень большой комнаты в два света, разделенной на спальню и кабинет, где она, окруженная книгами, портретами и всякими существенными воспоминаниями, вывезенными из разных частей света, целыми днями писала, сидя в большом, высоком кресле у стола, заваленного рукописями. Из кабинета ее две двери выходили в корридор к гостиной и – напротив – в рабочую комнату ее секретарей. Обе двери, обитые плюшем, были увешаны портретами, как и все стены до потолка, уставленные кроме того этажерками, бронзовой индийской посудой, статуэтками и всевозможными диковинками. Наши портреты, всех родных ее, окружали альков в ее спальне...

– Люблю засыпать, глядя на ваши лица! Вы все меня окружаете, чтоб, засыпая и просыпаясь, я вас имела перед глазами, – много раз говаривала она мне.

Из соседней рабочей комнаты ее ближайших помощников открывалась маленькая дверь в «тайную комнату» (the Occult Chamber), действительно таинственное, с виду по крайней мере, убежище. Круглая комната, верней, павильон, герметически закрытый, [со] стенами без окон и стеклянной светло-голубой крышей, прозрачным куполом, который проливает небесный свет на стены и большие зеркала, расположение которых как-то особенно кабалистически комбинировано. Здесь, кажется, должны были поставить большой портрет Махатмы Мории, «Учителя» Е[лены] П[етровны]⁴, перед изображением которого в ее собственном кабинете никогда не переводятся чудные цветы, доставляемые ежедневно его многочисленными почитателями. Я, собственно, в

¹ Вершок – старорусская единица длины, равная 4,45 см.

² лекционную залу (англ.).

³ Далее зачеркнуто: *ее именем*.

⁴ Чудеснейшие портреты в натуральную величину обоих покровителей Т[еософического] Об[щества], Радж-Иогов, величественных красавцев Мории и Кут-Хуми (корреспондента и наставника Синнета), находятся в Эльберфельде у Гебгардов в их «ок[к]ультической комнате». – *Примечание В.П.Желиховской*.

«окультуреческую комнату», предназначавшуюся для «медитаций и психических опытов эзотеристов», как говорила мне сестра, не входила, «она доступна лишь *посвященным*»... Она мне показывала ее с порога. Да, впрочем, тогда она еще (как и многое в доме 19 [на] Эвенью-Род) не была совсем готова.

Мы с сестрой редко присутствовали за общим вегетарианским столом; у нее была своя маленькая столовая, через корридор, рядом с гостиной, и там мы обедали, завтракали и пили чай с нею, когда она могла урваться от занятий, а не то и одни – я и мои дочери, если не уходили к своей сестре. Замужняя дочь моя жила вблизи и тоже приходила каждый день. Вечера, когда не бывало митингов, мы почти всегда проводили с сестрой в ее комнате, если она себя чувствовала нехорошо, а не то в гостиной, куда являлся и весь штат живших в «Главной квартире» теософов, и посетители, никогда не оставлявшие Е[лену] П[етровну] в покое, несмотря на то, что она теперь еще более ими тяготилась, особенно новыми знакомствами, людьми не причастными к делу, а являвшимися «поглазеть, чтобы потом наврать, да пожалуй и обругать», как определяла их цели Е[лена] П[етровна]. Она обыкновенно, никем и ничем не стесняясь, машинально раскладывала свои бесконечно разнообразные «пасьянсы» – единственное развлечение ее от умственных занятий. Раскладывая карты и часто прерывая себя на всех языках сердитыми возгласами по поводу их несвоевременного выхода, сестра моя невозбранно разговаривала с окружавшими ее лицами; но больше всего любила со мной поминать старину или расспрашивать дочерей моих о подробностях их жизни, а не то заставлять их петь простые русские песни, давно неслыханные и дорогие по воспоминаниям. Это было ее лучшим, величайшим удовольствием в последнее мое пребывание у нее. Несмотря на частые, очень болезненные припадки многих ее недугов и на постоянное теперь нездоровье, она бывала и весела, и остроумна по-прежнему.

В это последнее наше посещение я сама увидела, до чего разрастается Об^{[шест]во} и каких требует оно неустанных трудов. Одни занятия Е[лены] П[етровны] с членами ее Эзотерической секции сколько отымали времени. С присутствующими она занималась, положим, раз в неделю, но ведь потом для отсутствующих ее лекции должны были быть стенографированы, потом скопированы на Ремингтоновской машине в числе 400 экземпляров для рассылки иногородним, потому что печатать то, что она сообщала этому избранному меньшинству, – она не могла позволить. Эти копии она сама должна была просматривать и поправлять, а секретари ее вновь литографировать.

Это была значительная прибавка к повседневной общей, всегда кипучей работе. Если уменьшилось собственным желанием ее число любопытствующих, сторонних посетителей, зато число преданных делу лиц, серьезных последователей учения и неофитов, желавших изучать его, – прибавилось раз в десять более прежнего. Залы для лекций, выстроенной на 300 слушателей, по четвергам положительно не хватало. Многие говорили прекрасно, но лучше всех, действительно, оратор прирожденный – Анни Безант. А ведь с виду смиренная, неказистая маленькая женщина; от прежней миловидности остались одни красивые глаза, но когда заговорит – в непринужденных речах такая сила убеждения, такая энергия, ясность и красота слога, что за душу хватает. Послушав ее речи и читая ее статьи, я вполне согласилась с сестрой, что такая прозелитка – приобретение капитальное.

Я должна сознаться, что в первое время знакомства невзлюбила ее и прямо выражала сестре свои опасения. Отчасти меня ввели в заблуждение мягкость ее обращения, вкрадчивость вечно приветливой улыбки, но более всего пугало ее вечное общение с либералами и социалистами, с «народными лидерами», друзьями ее многолетнего сотоварища по общественной деятельности Брэдлоу. Но потом я поняла, что последнее неизбежно и – в Англии – понятно, а первое следствие воспитания – черта общая очень многим англичанкам. Когда я ближе узнала Мрс Безант по ее сочинениям и действиям, то убедилась, что она не только умная, но и высоко честная женщина. В ней и в благородной, честной труженице графине Вахтмейст[е]р, по-моему, ныне оплот всего дела в Англии.

В начале Августа произошло торжественное открытие клуба (собственно, приюта) для несчастных фабричных работниц Ист-Энда. Какой-то богатый Теософ вручил Е.П.Б[лаватской] 1000 ф[унтов] ст[ерлингов] (около 10000 р[ублей]) на какое угодно благотворительное дело. Она поручила своим помощникам нанять на долгий срок дом в беднейшей части Лондона и устроить

«клуб для работниц». Я поехала с сестрой охотно на его открытие⁵, тем более что никогда еще не бывала в East End'e – этом притоне нищеты и преступлений.

«Наш клуб основан на одном человеколюбии, без всяких тенденций, – говорила она мне по дороге туда, – мы не спрашиваем этих бедных женщин, кто они и во что верят, а только будем требовать добропорядочного поведения – не в прошлом! Какое нам дело до их совести в прошлом? Пусть только ведут себя честно и смиренно, вступив сюда, – и найдут здесь участие и помощь. Все наши дамы согласились здесь по очереди бывать каждый день... Здесь будут у них и швейные машины, и книги, и письменные принадлежности, и даже фортепиано пожертвовала одна из наших членов. Здесь будут жить сорок беднейших девушек, а 300 могут всегда иметь здоровую пищу за такую цену, на которую им и сухой корки хлеба не дадут в другом месте... Кроме того это будет им верное пристанище по праздникам от грязных развлечений улицы, известно куда ведущих...»

Дом оказался просторный, светлый, чистый и такой благоустроенный, что наверное ни одной из бедных работниц, изможденных трудом и нуждой, и не снилось такого приюта. На другой день многие газеты прославили благотворительность Е.П.Блаватской; в приложении к *Pall-Mall* и в двух других журналах появились рисунки, изображавшие общую залу в вечер открытия и внешний вид клуба с вывеской «*Theosophical Working Women's Club*»⁶.

Но сама Е[лена] П[етровна] осталась не совсем довольна этим вечером. Она строго изгоняла из своего Об^{[шест]ва} всякие проявления политических, социалистических, а тем более *красных* оттенков; а тут вдруг один из сподвижников прежней деятельности Мрс Безант, тоже принявший членство Т[еософического] Об^{[шест]ва}, но не оставивший своего лидерства в уличных демонстрациях, вздумал вывесить в окнах и на дверях открываемого клуба прокламационные афиши с указанием времени, места сборищ и торжественного шествия в Гайд-Парке ближайшей народной сходки.

Блаватская тотчас приказала сорвать эти афиши и ужасно взволновалась этой выходкой, за которую крепко досталось всем ее помощникам, в особенности виновнику ее, который едва не поплатился исключением из Об^{[шест]ва}.

XXIII

Неоспоримо Е.П.Б[лаватская] была больней и слабей, чем когда-либо прежде; она теперь [ник]огда⁷ не выходила в гостиную, даже в свои приемные дни: к ней в кабинет по очереди впускали тех, кого она изъявляла желание видеть. Только я и дочери мои имели право невозбранного входа к ней, но, разумеется, мы сами им не всегда пользовались, так как часы ее распорядительных бесед с ее прямыми помощниками, равно как и эзотерических уроков, нам были известны и мы тогда их не беспокоили. На четверговые митинги в залу лекций она считала себя обязанной выходить и выходила через силу, совсем больная. Садилась в свое кресло, слушала речи, направляла прения, но сама почти не говорила – разве дело требовало ее вмешательства. Тогда она властным словом устраняла недоразумения, прекращала несогласия и давала речам должное направление, ибо слово ее, особенно в научных вопросах, имело значение авторитета безусловного. По окончании дебатов и спичей каждый был волен подходить к ней и просить объяснений, и, признаюсь, для меня уверенность ее, ясность объяснений в самых отвлеченных и сложных вопросах составляли предмет изумления и гордости... И не одна я удивлялась ей.

Помню много ее бесед с специалистами по разным отделам не только отвлеченных, но и прикладных знаний, из которых она выходила победительницей, заставляя господ ученых с собою соглашаться и даже поучая их. Она требовала, чтоб мы непременно присутствовали на митингах, усаживая дочерей моих возле себя, не допуская⁸, несмотря на протесты их, что им здесь нечего делать... Сама она нисколько не стеснялась на этих ученых собраниях. Среди сотен посторонних лиц она держала себя также свободно, как у себя в комнате; правда, она здесь не раскладывала

⁵ См.: Желиховская В.П. Лондонская жизнь // Московские ведомости, 1890, №259, 19 сентября.

⁶ «Теософский рабочий женский клуб» (англ.).

⁷ Далее зачеркнуто: *теперь*.

⁸ Далее зачеркнуто: *их*.

своих вечных пасьянсов, как у себя в гостиной, но зато свертывала свои вечные «сигаретки» и курила без церемонии, приучив чопорных лондонцев к этому (у них) полному беззаконию, без которого она жить не могла, до того, что они все, наконец, стали смотреть на дым папиросы как на ее неотъемлемый атрибут.

Получить из рук Е.П.Б[латовской] папироску, ею скрученную, с приглашением покурить считалось великим счастьем и честью в среде ее посетителей. Но в зале митингов, разумеется, она единая пользовалась этой привилегией, равно как и правом прерывать серьезные прения каким-нибудь неожиданным оригинально-юмористическим замечанием, которое вдруг заставляло осклабляться сотни сосредоточенных лиц и на минуту наполняло залу веселым гомоном.

Памятны мне наши последние с сестрой прогулки в ландо по красивым окрестностям Лондона; а в более близкие места, в парк, Зоологический сад или в гости к моей дочери, ее возили в ручной коляске, подаренной ей одним из друзей ее.

За несколько дней до отъезда у нас с ней был памятный разговор. Говорили мы по поводу ее статьи в «North American Review»⁹ под заглавием «Recent Progress in Theosophy». Она справедливо указывала на свою странную судьбу – стоять между двух одинаково враждебных огней матерьялистов и спиритов, безверных скептиков и клерикалов, держащихся одной буквы. «Кого матерьялисты больше, чем меня, упрекают в распространении суеверий? Что чаще смешивают с спиритизмом, как не теософское учение? Кого, несмотря на многие и многие мои протесты, упорней продолжают обзывать *медиумом*, – тогда как я презираю это пассивное отдание себя на волю всяких элементарных сил и целые трактаты исписала, предупреждая спиритов, как вредно, как безжалостно пользоваться силами безответных, болезненных медиумов. За это самое противудействие им, с другой стороны, меня преследуют спириты.. Особенно в России... Вон А.Н.А[ксаков]¹⁰, какой был приятель! Какая у нас с ним была дружеская переписка. А после – рассердился! Не могла же я говорить против убеждения, когда уверена, что далеко *не все* в учении спиритов истина и благо, а в занятиях им, в спиритических сеансах, гораздо более дурного, лживого и вредного, чем хорошего... Уж если он, человек умный и просвещенный, не хочет понять наших стремлений к свету, к правде, что же ждать от вашей русской газетной да журнальной братии?.. Уж эти лидеры общественного мнения en gros¹¹, воображаю, как меня то в ведьмы, то в обманные шарлатанки определяют!.. Ведь отчет Психического Об[щества]¹² переведен никак на все языки европейские, а моих оправданий и показаний моих защитников – никто не переведет!.. А английский язык – кто у нас в России знает? Да кто и знает, о Теософическом Об[ществе]¹³ читать станет!»

Я не могла не согласиться с ней, что она права.

Она очень была огорчена тем, что никогда¹² одна большая Петербургская газета не хотела поместить ее возражений на несправедливые показания ее корреспондентов о ней и Т[еософическом] Об[ществе]¹³. Не обратила даже внимания на посланный ей коллективный протест за подписью многих лиц, близко стоящих к делу¹⁴... «Если б был жив Катков, он бы этого никогда не сделал!.. Он дал бы мне возможность опровергнуть хоть явные выдумки и лжи! – несколько раз повторяла она. – А теперь я и рукой махнула на Россию... Бог с ней!.. Любить ее не перестану до последнего вдоха, а что в ней обо мне говорят – да простится ее неведению!»

Вот доподлинные слова Е[лены] П[етровны]. Как часто мне теперь, по смерти ее, приходится их вспоминать, чтоб христиански прощать взводимые на нее лжи и нелепые басни.

⁹ Август 1890 г. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁰ Аксаков Александр Николаевич (1832–1903) – писатель, переводчик, лидер российского движения экспериментального спиритизма.

¹¹ все вместе взятые (*фр.*).

¹² Далее зачеркнуто: *Новое Время.*

¹³ 2 февраля 1888 г. в газете «Новое время» (№4285) был опубликован очерк журналиста В.С.Лялина (писавшего под псевдонимом Петербуржец в разделе «Маленький фельетон»), в котором повторялись клеветнические измышления о Е.П.Блатовской из отчета Общества психических исследований 1885 года.

¹⁴ См. письма В.П.Желиховской к А.С.Суворину от 23 марта / 4 апреля 1888 г. (*Желиховская В.П. Письма (1878–1896)*) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>) и Б.Китли к В.П.Желиховской от 24 марта 1888 г. (<https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

В начале Сентября я простилась с сестрой – на сей раз действительно *навек* простилась. Несмотря на слабость, на боль в ногах, она вышла провожать нас на крыльцо и к калитке палисадника. Я, не стесняясь, ее перекрестила на прощание, и последний взгляд мой на нее упал, когда она уж не думала, что я ее вижу, а плакала, возвращаясь в дом, опершись на руку миссис Безант.

В несколько последних месяцев жизни Е[лена] П[етровна] мне писала редко и мало, более чем когда-нибудь отвлекаемая недугами и занятиями. Но я не беспокоилась, привыкнув к ее постоянным страданиям и зная все подробности о ней из ак[к]уратных писем моей дочери¹⁵. Едва наступила зима, я ей, по обыкновению, послала транспорт икры и ржаного хлеба, которых нет в Лондоне, а она их любила более всякой другой пищи; последние дни она положительно питалась одной икрой и пшенной кашей. Крупу ей тоже постоянно доставляла из Одессы Н.А.Фадеева, которая даже во время пребывания сестры в Индии умудрялась ей доставлять всероссийские кулинарные продукты. Но тогда это было баловство, а теперь составляло необходимость, так как ее несчастный желудок положительно не переваривал ничего, кроме ржаных сухарей да молочной каши.

А все же занятий она не оставляла. В последние дни своей жизни она написала еще руководство к изучению Теософии, ее терминов, под заглавием «*Glossary*»¹⁶, привела в порядок материалов для третьего тома «*Тайной Доктрины*», а готовых к печати¹⁷ отдельных статей оставила такую массу, что вот скоро год, как она умерла, а в ее журнале *Lucifer* все еще печатаются ее инициалы – «*H.P.B.*».

Первые успехи пропаганды Е.П.Б[латовской] начались в Северной Америке; она же доставила ей и последние¹⁸ лавры – последнее довольство, испытанное ею в жизни. Она была уже больна своей предсмертной болезнью, когда из Бостона два дня кряду, 26 и 27 Апреля (н. ст.), были получены¹⁹ от съезда Американской Секции Т[еософического] Об[щества] телеграммы самого лестного содержания. Я извлекаю это из официальных печатных источников.

Первые митинги состоялись в воскресенье, 26 Апр[еля], в Бостоне; от 10 ч[асов] утра до часу, от 3^х час[ов] по полудни до шести и от 8 до 11 вечера были три заседания, трактовавшие почти о том же, потому что сверх чаяния членов Об[щества] съехалась такая масса, что зала на триста душ не могла вместить всех желавших присутствовать. Все корридоры были переполнены, а публика все еще подходила, так что распорядителям пришлось заявить о троекратном в тот день собрании. Главный интерес состоял в письме Е.П.Блатовской, присланном ею с делегатами «*Blavatsky Lodge*» – Мрс Анни Безант и Доктором Арчибальдом Китли. Письмо это было прочитано в тот день три раза.

Прежде всего²⁰ были заслушаны отчеты президентов всех 52^х ветвей²¹ Т[еософического] Об[щества] в Америке; обсуждены предложения главного представителя его в Соединенных Штатах W.Q.Judge'a, «неустанной энергии и выносливой преданности делу которого» с самого основания его местное Об[щество] обязано своим процветанием. Им было предложено сформирование на более систематично организованных началах тех методов практической помощи, нуждающейся в хлебе и просвещении братии, которых придерживались члены Т[еософического] Об[щества] в одиночку и насколько кто горазд... Мр Джедж находил, что недостаточно временных, беспорядочных вспомоществований на школы, библиотеки, теософическую прессу, что «Теософисты должны действовать как истинные последователи учения – друзья человечества», что необходимо организовать ассоциацию на прочных основаниях... После всего этого было прочитано письмо Е[лены] П[етровны], а по

¹⁵ См.: Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) (<https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

¹⁶ «Словарь» (англ.).

Речь идет о книге «Теософский словарь» (1890).

¹⁷ Далее зачеркнуто: *готов*.

¹⁸ Далее зачеркнуто: *при жизни ее*.

¹⁹ Далее зачеркнуто: *телеграммы*.

²⁰ Далее зачеркнуто: *как*.

²¹ Теперь их более 70. – Примечание В.П.Желиховской.

выслуш[ив]ании его среди горячих изъявлений удовольствия, преданности делу и его основательнице послана была ей следующая телеграмма:

«Так как собравшаяся на сессию Конвенция Американской секции Т[еософического] Об[щест]ва глубоко ценит личные жертвы, непрестанный героизм и великое значение трудов Е.П.Блаватской, без коей не существовало бы Об[щест]во, – ибо лишь ее трудами и знаниями догмы Религии Разума (Wisdom Religion) открыты миру в такой мере, в какой не бывали ведомы ему в продолжение веков, – то вследствие всего этого решено немедленно телеграфировать ей, г[оспо]же Блаватской, единодушный привет и сочувствие Конвенции, горячую симпатию и оценку ее трудов и полное доверие к ней, ее миссии и ее учению».

Вот сущность письма Е[лены] П[етровны], прочитанного ее представительницей²² Миссис Анни Безант²³:

«Бостонской Конвенции Т[еософического] Об[щества] 1891 [года].

В третий раз уже по возвращении моем в Европу в 1885 [году] я имею возможность послать моим братьям по Теософии и согражданам Соединенным Штатов на ежегодный съезд их делегата из Англии для передачи им привета и моих горячих пожеланий. Страдая непрестанно телом, я имею единое утешение в преуспевании священной задачи, которой я отдала жизнь свою и силы. Ныне силы мои и самая жизнь уходят, и ничего не могу я вам предложить, кроме страстной преданности делу и вовеки неослабных пожеланий ему благополучия и успехов.

Поэтому известия, доставляемые мне с каждой почтой из Америки о возникновении новых ветвей, об устойчивой и безустанной работе не преуспевание Теософии, радуют меня более, чем в силах я высказать словами.

Товарищи теософисты! Я горжусь вашей благородной деятельностью в Новом Свете! Братья и сестры мои в Америке, я благодарю вас и благословляю за ваши неустанные труды на пользу общего дела, столь дорогого нам всем!..

Позвольте мне напомнить вам, что дружная работа ныне нужнее, чем когда-либо. Период цикла, который закончится между 1897 и [18]98 годом, – период великих столкновений и постоянных тревог. Если Т[еософическое] О[бщество] продержится этот недолгий срок – хорошо! Если же нет, то хотя “Теософия” не может погибнуть, но бесславно погибнет корпорация ее представителей – и пострадает человечество!.. Я горячо надеюсь, что в настоящем теле своем не увижу этого крушения. Трудности и опасности настоящего положения равно известны *силам* (?), противоборствующим нам, как и нам споспешествующим: семена раздора будут рассеваемы щедро и не будут потеряны случаи к внушению сомнений, подозрений, недоверья, ошибок к созданию, всяческих трудностей – лишь бы разъединить наше братство, рассеять и уменьшить его в количестве и силе. Никогда не было необходимей членам Об[щест]ва помнить старое сказание о вязанке хвороста: разделенные они неизбежно будут сломаны, но нет той силы, которая сломала бы наше братство, если оно пребудет в дружеском союзе».

Тут Е.П.Б[лаватская] вдается в подробности *отвлеченного* учения, в личные отношения членов к целому, ветвей Об[щест]ва друг к другу и в прочие трудности Теософического дела и так кончает свое послание:

«Теперь все сказала! Я не достаточно сильна, чтоб написать вам более, да и нет в том нужды: мой друг и правая моя рука в Англии – Анни Безант вам все расскажет...»

Поистине все мои стремления и помыслы сосредотачиваются в едином неусыпном, сердечном желании моем: *“Будьте теософистами! Трудитесь для Теософии!..”* Вначале и в конце – Теософия! Ибо ее практическое выполнение одно в силах спасти западный мир от влияния эгоистических и враждебных чувств, разъединяющих нации и общества; от враждований и социальной розни, составляющих великий грех, и стыд, и несчастье народов, всеу называющих себя Християнами. Одна Теософия может спасти их от окончательного погрязания в материализме и порождениях его – роскоши и разврате, в которых и они стремятся погибнуть, как погибли в них уже столько цивилизаций!.. В ваших руках, братья, завет благополучия грядущего столетия: ответственность ваша столь велика, как и доверенное вам дело.

²² Далее зачеркнуто: *нища Основательницы Т.*

²³ Далее зачеркнуто: *ее послание, которое считаю нелишним здесь перевести.*

Оставшийся срок моей жизни недолог. Прошу вас, если вы признаете, что чему-либо у меня научились, что [с] моей помощью добыли хоть искру истинного света, в свою очередь – подкрепите дело, торжеством коего этот истинный свет разгорится сильнее. Отдельными усилиями каждого из вас, слитыми воедино, может осветиться мир. Дайте мне видеть до разлуки с моим изможденным телом окончательное упрочение нашего Общества.

Да пребудут на вас благословения Великих Учителей прошлых и настоящих времен. От меня же примите все уверения в моих истинных, непоколебимых братских чувствах, а также искренней, сердечной благодарности за труды всех тружеников на общее дело.

До скончания слуга ваша Е.П.Блаватская».

По окончании этого и еще отдельного благодарственного письма ее президенту W.Q.Judge'у Анни Безант говорила о заслугах, сочинениях и личности основательницы их Общества с такими знанием, любовью и интересом, что симпатии слушателей ее возгорелись еще сильнее и тут же единодушно было решено послать еще одну дополнительную телеграмму, в которой еще восторженней высказывались чувства уважения и признательности к Блаватской и готовность принять, хранить в сердцах и неуклонно прилагать к делу ее указания и заветы.

Все это нам, русским людям, кажется странным, преувеличенным, пожалуй, непонятым и даже предосудительным в некоторых отношениях... Пусть так! Но возможно ли не дивиться личности русской женщины, сумевшей не только в Индии, где созданное ею братство принесло действительное благо в смягчении кастовых предрассудков и в распространении забытых философий местных ученых, но в практичных Америке и Англии создать себе таких восторженных ценителей и поклонников?.. Не смешны ли до жалости мелочные придирки к личности Е.П.Б[лаватской] людей, совершенно незнакомых с ее истинной, практической деятельностью, а судящих о ней по *старым отчетам* (давно печатно осмеянным во Франции, Англии, Индии и Америке) *враждебного ей единичного представителя* Лондонского Психического Об^{[шест]ва}²⁴. В особенности должны бы осторожней относиться к *такой* соотечественнице редакции русских журналов, никогда не читавших ее капитальных произведений и расславляющих ее обманщицей и шарлатанкой «*по доверенности*» ее давно ославленных врагов.

²⁴ Сюда можно хоть в выноске поместить прилагаемое письмо к Суворину. – *Зачеркнутое примечание В.П.Желиховской.*